

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-328-331>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
***Cameron S. The Hungry Steppe:
Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan.*
Ithaca and London: Cornell University Press. 2018. 277 p.**

И. Владимирски

Академический колледж Ахва, Израиль, 7980400, Arugot, POB Shikmim, Israel,
irena@achva.ac.il

Для цитирования: Владимирски И. Рецензия на книгу: Cameron S. *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan.* Ithaca and London: Cornell University Press. 2018. 277 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 328–331. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-328-331>

BOOK REVIEW:
***Cameron Sarah. The Hungry Steppe:
Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan.*
Ithaca and London: Cornell University Press. 2018. 277 p.**

Irena Vladimirska

Achva Academic College; POB Shikmim, Arugot, 7980400, Israel,
irena@achva.ac.il

For citation: Vladimirska, Irena. “Book Review: Sarah Cameron. *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan.* Ithaca and London: Cornell University Press. 2018. 277 p.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 328–331. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-328-331>

Книга американского профессора Сары Камерон (the University of Maryland-College Park) посвящена анализу коллективизации и ее последствий в Казахстане. Последствия форсированной коллективизации в Казахстане носили не менее трагический характер, чем последствия коллективизации в Украине (где количество умерших в голодную зиму 1932/33 гг., по предварительным расчетам, составило около полутора миллионов человек). Форсированная коллективизация выразилась не только в огромных потерях человеческих жизней, но и разрушении традиционного уклада кочевой экономики и резком сокращении поголовья скота. Помимо традиционного подхода, основанного на анализе многочисленных архивных источников центральных и областных российских и казахстанских архивов, сборников документов и материалов партийных съездов, конференций и пленумов, исследований казахстанских, российских и западных историков, Сара Камерон использует записи воспоминаний очевидцев и участников тех исторических событий. С одной

стороны, такой комбинированный подход к историческому исследованию оживляет канву сухого повествования и анализа, привнося в него элемент личного характера, вовлекая читателя в процесс сопереживания и соучастия. С другой стороны, использование воспоминаний очевидцев, бывших маленькими детьми в 1932/33 гг., требует дополнительного анализа и верификации. Понятно, что утверждения такого рода, как: «Я был маленьким ребенком, но не смогу этого забыть... Я содрогаюсь всем телом, когда эти воспоминания захлестывают меня», не могут быть приняты в качестве исторического факта, но способствуют формированию соответствующего мнения у читателя в процессе чтения книги (С. 1–3).

Первая глава «The Steppe and the Sown: Peasants, Nomads, and the Transformation of the Kazakh Steppe, 1896–1921» [Степь и посевы: Крестьяне, кочевники и преобразование Казахской степи, 1896–1921] не случайно начинается с 1896 г. – года начала деятельности Переселенческого управления на территории Туркестанского генерал-губернаторства и Степного края. С 1896 по 1916 гг. на территорию сегодняшнего Казахстана переселилось более 1 500 000 переселенцев, преобразовав кочевое казахское общество в мультиэтническое и мультиконфессиональное. В некоторых уездах и губерниях процент переселенцев из России превысил число коренного казахского населения. Помимо планового переселения происходило и переселение так называемых крестьян-«самовольцев», заселявших «свободные» территории без разрешения чиновников, которые зачастую просто закрывали глаза на самовольный захват земель переселенцами-славянами (С. 19–21). Значительную часть главы занимает объяснение особенностей функционирования кочевой экономики и процесс ее формирования на территории современного Казахстана, начиная с XVII в. (С. 24–41).

Вторая глава «Can You Get to Socialism by Camel: the Fate of Pastoral Nomadism in Soviet Kazakhstan, 1921–28» [Можно ли въехать в социализм на верблюде: Судьба кочевой экономики в Советском Казахстане, 1921–28] начинается с рассмотрения процесса национально-территориального размежевания Средней Азии и Казахстана и образования Казахской АССР в годы советской власти. Год размежевания – 1924 – становится и новой точкой отсчета в отношениях национальной окраины и метрополии. Советское правительство начинает политику коренизации партийного и советского аппарата в Казахстане и Туркестане и исправления несправедливости, допущенной царским Переселенческим управлением в отношении коренного казахского населения (С. 49–51). В качестве Первого секретаря ЦК Казахской ССР назначается Ф.И. Голощекин, зарекомендовавший себя в качестве хорошего организатора и исполнителя (С. 52–55). Именно Голощекин инициировал программу по изменению кочевого характера казахской экономики. В 1926 г. специалистами Казнаркомзема на страницах журнала «Народное хозяйство Казахстана» была организована дискуссия о будущем кочевого хозяйства, результатом которой стало решение о необходимости проведения политики оседлости казахских кочевых и полукочевых хозяйств (С. 60–69).

В третьей главе «Kazakhstan's “Little October”: The Campaign against Kazakh Elites, 1928» [«Малый Октябрь» в Казахстане: Начало кампании против традиционных казахских элит, 1928] анализируется политика ликвидации хозяйств крупных баев-полуфеодалов и отношение к этому коммунистов-выдвиженцев из казахов. Сам термин «бай-полуфеодал» был советским изобретением и неким аналогом «кулака-мироода» в российской деревне, вот только клановая аульная иерархия отводила баю определенную роль в поддержании складывавшегося в течение столетий понятия родовой помощи и защиты (С. 73–76). Мнения местных казахских коммунистов о будущем казахского аула диаметрально разделились: Смагул Садвакасов настаивал на необходимости учитывать местную специфику, не торопиться с

реформами и в некотором роде сотрудничать с местной элитой (Алихан Букейханов и партия «Алаш»); Ураз Жандосов, прекрасный двуязычный оратор, наоборот, настаивал на полном освобождении казахской бедноты от байского гнета (С. 78–83). Кампания по ликвидации крупных байских хозяйств развернулась в полную силу после поездки И.В. Сталина по Сибири в 1928 г. и зачастую приобретала форму как пассивного, так и активного сопротивления (Семипалатинское дело). Не успев завершиться, конфискация байских хозяйств плавно перетекла в форсированную коллективизацию (С. 89–97).

Четвертая глава «Nomads Under Siege: Kazakhstan and the Launch of Forced Collectivization» [Кочевники на осадном положении: Казахстан и начало форсированной коллективизации] охватывает период с 1927 по 1932 г., время свертывания НЭПа и развертывания сплошной коллективизации. Политика осуществления коллективизации в Казахстане была определена как переход к оседлости на базе сплошной коллективизации (С. 97–100). Конфискация и выселение баев и кулаков, образование Товариществ по совместной обработке земли (ТОЗов) при полном отсутствии опыта и необходимых ресурсов и желание как можно быстрее отрапортовать перед центром обернулись трагическими последствиями: повсеместное обнищание казахского населения, резкое сокращение поголовья скота, создание фиктивных колхозов и артелей, массовые откочевки казахского населения на территории соседних Китая, Туркмении, Афганистана и начало голода среди местного населения (С. 101–111). Особенно пострадали от голода жители Адаевского округа, географические и климатические условия которого были мало приспособлены для занятий земледелием (С. 111–116). Необходимость выполнения плана по мясо- и хлебозаготовкам подхлестывала местных партийных и советских деятелей к использованию репрессивных мер воздействия на местное казахское население. В дополнение к репрессивным мерам против казахского населения в Казахстане начала разворачиваться система трудовых лагерей и начали прибывать первые спецпоселенцы Карлага (Карагандинский рабочий лагерь) (С. 117–121).

Пятая глава «Violence, Flight, and Hunger: The Sino-Kazakh border and the Kazakh Famine» [Насилие, бегство и голод: Китайско-казахская граница и голод в Казахстане] посвящена анализу воспоминаний и документов о массовых откочевках казахского населения в Китай в период с 1928–1932 гг. По очень неполным сведениям, китайско-казахскую границу перешли более 200,000 человек (С. 122–124, 130–134). Органы ОГПУ пытались бороться с массовыми откочевками, но без особого успеха. Также невозможно было предотвратить проявление массового недовольства казахского кочевого населения и организованных вооруженных нападений на представителей власти (восстание на полуострове Мангышлак) (С. 124–128). Помимо проблем внутреннего характера в массовых откочевках на территорию Китая советские руководители видели происки западных империалистов, стремящихся воспользоваться слабостью Китая и разрушить советскую власть на национальных окраинах (С. 138–142).

В шестой и заключительной главе «Kazakhstan and the Politics of Hunger, 1931–34» [Казахстан и политика голода, 1931–34] анализируются последствия сплошной коллективизации с привлечением документов личного происхождения, в том числе воспоминаний («Страдание не покидало наших мыслей и глаза наши были полны слез»). С первых моментов использования чрезвычайных мер при проведении коллективизации можно было предвидеть ее последствия в виде массовых откочевок и голода среди местного населения. С конца ноября 1931 г. советские власти Оренбургской области, районов Урала и Средней Волги докладывали о казахах-откочевниках, массами прибывающих в пределы их административных районов в поисках еды (С. 143–154). Уровень смертности был необычайно вы-

сок, потерявшие всякую надежду на помощь родители оставляли детей под дверями партийных райкомов и обкомов в надежде, что их передадут в детские дома и дадут возможность выжить (С. 154–158). Постановлением ЦК ВКП(б) от 17 февраля 1932 г. было решено дать временное послабление и освободить на два года кочевые хозяйства Казахстана от зерно- и мясозаготовок. Были произведены и персональные изменения – Ф.И. Голощекин был обвинен в стратегических ошибках и недальновидности с освобождением от должности, на его место был назначен Л.И. Мирзоян, начавший постепенно ликвидировать последствия коллективизации. Самой большой своей заслугой он считал создание специальной Комиссии по продовольственной помощи возвращающимся откочевникам (С. 159–165). В результате трагических событий советской истории первой половины 1930-х гг., по переписи населения 1939 г., население Казахстана уменьшилось более чем на 900 000 по сравнению с переписью 1926 г. Те же последствия наблюдались и в хозяйствах казахстанцев, где, в частности, более чем на 90 % (по сравнению с 1913 г.) произошло сокращение поголовья верблюдов, и только поголовье свиней сохранялось на дореволюционном уровне (С. 169–179).

Несмотря на некоторые шероховатости и преувеличенную эмоциональную составляющую рецензируемая монография заслуживает внимания, представляя более взвешенный взгляд на эту горькую страницу истории Казахстана.

Поступила в редакцию / Received: 06.03.2020

Информация об авторе / Information about the author

Владимирски Ирена, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва (Израиль).

Vladimirsky Irena, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Head of the History of the Ideas Department, Achva Academic College (Israel).